МЫСЛЬ

ЖУРНАЛ ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

18

Издательство Санкт-Петербургского университета
2014

ББК 87.3
М95

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «МЫСЛЬ»

Главный редактор
Д. Н. Разеев

Редакционная коллегия:
А. В. Малинов (зам. гл. ред.), **А. Б. Паткуль** (отв. секретарь),
С. А. Чернов, **† М. С. Уваров**

Редакционный совет:
† Ю. Н. Солонин (председатель), **Р. В. Светлов** (зам. председателя),
А. Валицкий, **А. А. Грякалов**, **А. А. Гусейнов**, **В. С. Диев**, **К. Н. Любутин**,
В. В. Миронов, **М. В. Попович**, **Е. Я. Режабек**, **Я. А. Слинин**

Ответственный редактор выпуска
М. А. Секацкая

Печатается по постановлению
Ученого совета философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

М95 **Мысль**. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. — 210 с. (Журнал Петербургского философского общества. Вып. 18).

Данный выпуск журнала посвящен различным аспектам исследования сознания в аналитической и феноменологической философской традиции. Рассматриваются вопросы единства сознания, тождества личности, интенциональности, субъективности и интерсубъективности.

ББК 87.3

Выпуск подготовлен к печати при финансовой поддержке
Правительства Санкт-Петербурга

© Санкт-Петербургское философское общество, 2014
© Издательство Санкт-Петербургского университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

От редакции

Д. Н. Разеев, М. А. Секацкая
Сознание в аналитической и феноменологической перспективе 7

Научные статьи

Л. Р. Бейкер
Два вида единства: осознанное ощущение и его субъект 12

Д. Захави
Я и другой: от чистого я к совместно выстраиваемому мы 21

Т. Фукс
Тождество личности и физическое существование 30

А. С. Козырева
Согласованность опыта и синтетическое единство сознания. 45

Д. В. Чирва
Метафизика имеет значение. Анималистическая и конституционалистская концепции личности 73

Г. С. Рогонян
Паратаксис и семантические аномалии 90

Ф. А. Станжевский
Применение технологий нейровизуализации в исследовании социального сознания. 113

А. А. Хахалова
Субъективность в науках о жизни: самоорганизация, интенциональность и целеполагание 125

С. М. Левин
Коллективное сознание и десубстантивация ментального. 141

Мысль. Выпуск 18 (2014). С. 90–112. Санкт-Петербургское философское общество

Г. С. Рогонян

ПАРАТАКСИС И СЕМАНТИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ *

В статье рассматривается паратактический анализ косвенной речи и пропозициональных установок, предложенный Д. Дэвидсоном, а также некоторые проблемы, с которыми этот подход сталкивается, и перспективы его дальнейшего применения. В частности, рассматривается то, как в рамках холистской установки по отношению к языковому значению можно использовать различие между предложением и высказыванием для решения некоторых семантических парадоксов.

Ключевые слова: *косвенная речь, пропозициональные установки, перформатив, теория истины.*

1. Паратактический анализ косвенной речи и пропозициональных установок, предложенный Дэвидсоном, являет собой наглядный пример успешности экстенсионального подхода к интенсиональным контекстам. В случае косвенной речи этот подход предполагает разбиение того, что кажется одним высказыванием, на два относительно независимых высказывания с собственными экстенсионалами и условиями истинности. В каком-то смысле проблема связи высказываний при паратактическом анализе косвенной речи касается понимания речи вообще, поскольку затрагивает вопрос о том, как мы в речи и ее интерпретации переходим от одного предложения к другому. Можно даже сказать, что паратактический анализ является наглядной иллюстрацией тезиса У. Селларса о том, что именно интенциональность наших мыслей является отражением интенциональности языка (или, если угодно, семантической интенциональности наших высказываний), а не наоборот.[1] Соответственно, если говорить о нередуцируемости ментальных феноменов (с характерной для них интенциональностью) к физическому уровню, то только в той мере, в какой семантика наших высказываний нередуцируема к синтаксису предложений. Иными словами, можно сказать, что паратаксис показывает изнутри процесс формирования концептуального содержания нашего

* Данное научное исследование (№ 12-01-0040) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг.

1 См., в частности, [4] и [17].

© Г. С. Рогонян, 2014

мышления. Поэтому Дэвидсон, как и многие другие философы, прямо указывает на то, что анализ косвенной речи открывает «путь к анализу психологических предложений вообще (предложений о так называемых пропозициональных установках), и даже — ключ к тому, что отличает психологические понятия от всех прочих» [1. С. 141]. Тем не менее, за исключением статьи, посвященной косвенной речи, и двум статьям о цитате и перформативах, каждый раз, когда Дэвидсон упоминал паратактический анализ в контексте рассмотрения самых разных проблем, он давал лишь самое общее описание того, как можно применять и развивать этот метод дальше. Это часто приводило к недопониманию или даже искажению его позиции, что он сам неоднократно и отмечал.[2] Поэтому цель данной статьи заключается в том, чтобы попытаться немного прояснить задачи паратактического анализа и указать возможную область его применения.

2. Как известно, Г. Фреге одним из первых отметил аномальное поведение, которое демонстрирует косвенная речь [3. С. 34–37]. Источник аномалии, как правило, видят в использовании интенциональных глаголов, выражающих те или иные психологические установки индивида (намерения, убеждения, желания и т. д.). Именно непредсказуемое поведение интенциональных глаголов (в зависимости от ситуации и от того, кому и в каких условиях их приписывают) влияет на то, какие логические выводы мы можем делать на основании косвенной речи.[3] Такое положение дел приводит к тому, что при замене придаточного предложения (или единичного термина) в косвенной речи на другое, но с той же самой референцией, может измениться значение истинности всего высказывания в целом. Если, например, в предложении

(1) «Галилей сказал, что Земля вертится»

заменить единичный термин «Земля» на синонимичный ему, т. е. указывающий на тот же самый объект — «планета, на которой родился Эйнштейн», то новое предложение будет очевидно ложным:

(2) «Галилей сказал, что планета, на которой родился Эйнштейн, вертится».

Предложенное Фреге решение этой проблемы заключается в том, что слова в придаточном предложении отсылают не к своему обычному референту, а к своему смыслу, или, как теперь говорят, интенсионалу. Иными словами, единичные термины в предложении содержания в косвенной речи указывают не столько на свой референт, сколько на способ его репрезентации (т. е. на тот смысл,

2 В данной статье, к сожалению, нет места для того, чтобы дать хотя бы общий обзор основных работ о паратактическом анализе Дэвидсона, и даже чтобы все их перечислить. В статье К. Людвига и Г. Рэя [12] приводится список работ по данной теме: пусть не полный и далеко не новый, он, однако, содержит почти все основные статьи, ставшие уже «классикой» для данной дискуссии.

3 Семантические аномалии в данной статье понимаются шире, чем в лингвистике, т. е. как непредсказуемость результатов логического вывода, а не только как противоречие языковым конвенциям.

в котором они используются). Можно сказать, например, что «Земля» в (1) имеет одновременно два референта — собственно планету Земля и тот способ, каким о ней говорят. Все зависит от того, в каком контексте — прямой или косвенной речи — фигурирует данный единичный термин. Придаточное предложение «что Земля вертится» Фреге предлагает рассматривать как имя интенционального объекта, т. е. мысли или пропозиции. Смысл (или мысль) «Земля вертится» теперь является не тем, что выражают, а тем, к чему отсылают, т. е. как если бы этот смысл сам стал объектом, а не способом указания на объект. Глагол «сказал» в таком случае рассматривается как двухместный предикат « сказал », указывающий на отношение между Галилеем и мыслью (о том, что Земля вертится). «Земля вертится» *перестает* указывать на планету Земля, а указывает только на *мысль, что Земля вертится*. А поскольку смысл (или мысль) в случае «Земля вертится» и в случае «планета, на которой родился Эйнштейн, вертится» разный, то этим объясняется и невозможность их взаимозамены в контексте косвенной речи.

Итак, различие между референцией к смыслу (пропозиции) и к своему объекту объясняет изменения при подстановке кореферентных выражений в придаточной части косвенных предложений. Иными словами, одно и то же слово или выражение может иметь разные семантические свойства в зависимости от способа своего употребления. В случае косвенной речи мы имеем дело с неэкстенсиональным контекстом, который создается с помощью оператора «что…», поскольку единичный термин в придаточном предложении уже не зависит от своего обычного референта. По этой же причине, собственно, и разные слова с одним и тем же референтом в таком контексте также не поддаются взаимозамене *salva veritate*. И поскольку мы не можем здесь использовать принцип подстановки, то мы не можем прибегнуть и к экстенсиональному методу анализа языковых выражений в косвенной речи. Обычный смысл слов становится их косвенным значением (или косвенным референтом), при этом сами слова получают новый – косвенный – смысл (который как бы на уровень выше по отношению к первому). Такая разница в референтах у предложений прямой («Земля вертится») и косвенной («что Земля вертится») речи объясняет нарушение принципа подстановки в не-экстенсиональном контексте пропозициональной установки. Семантические аномалии, таким образом, объясняются с помощью введения того, что позже назовут интенсиональными, или референциально непрозрачными, контекстами, поскольку единичные термины в таких контекстах могут указывать уже более чем на один объект.

Однако это решение многими было признано неудовлетворительным, поскольку за такое сохранение принципа подстановки придется слишком дорого заплатить. Прежде всего такой подход приводит к тому, что мы сталкиваемся с бесконечным количеством смыслов одного и того же слова или выражения — сколько бы способов толкования какого-либо слова мы не знали, всегда будут возможны такие, с которыми интерпретатор чужой речи окажется незнаком. В конечном итоге, такое решение приводит к тому, что при приписывании пропозициональных установок мы сталкиваемся с бесконечной иерархией смыслов, как, например, в случае, когда косвенная речь уже содержит косвенную речь: «Ньютон сказал,

что Галилей сказал, что Земля вертится». Но бесконечное количество референтов у слов создало бы проблемы при изучении языка, или, проще говоря, такой язык было бы невозможно выучить. Более того, это решение нарушает принцип композициональности, который требует, чтобы семантический анализ был систематическим, т. е. чтобы на основании конечного множества элементов и правил их комбинации мы могли получать бесконечное количество предложений и одновременно объяснить нашу способность их понимать.

3. Альтернативное решение для анализа пропозициональных установок и для выхода из данной ситуации, как известно, предложил У. В. О. Куайн. Общее название для различных вариантов такого подхода — сентенциализм (в отличие от эссенциализма Фреге, апеллирующего к особым ментальным сущностям). Куайн, в частности, предложил считать пропозициональную установку не отношением к какой-то идеальной сущности (пропозиции или интенсионалу), а к какому-либо предложению, которое и является истинным объектом пропозициональной установки. Пропозициональная установка рассматривается Куайном как вербальная диспозиция к произнесению определенного предложения и является, в этом смысле, косвенной цитатой.[4] Например,

(3) Галилей считает (*believes*), что Земля вертится

надо всего лишь перефразировать как

(4) Галилей истинно-считает (*believes-true*) «Земля вертится».

Косвенная речь в этом случае является цитирующим подражанием фактическому или возможному речевому акту того, кому приписывают пропозициональную установку. Поэтому (1) надо рассматривать как

(5) Галилей истинно-сказал (*said-true*) «Земля вертится».

«Истинно-сказал» здесь надо понимать, разумеется, как «утверждал в качестве истинного». В обоих случаях объектами пропозициональных установок выступают так называемые *вечные* предложения, т. е. те комбинации в цепочке символов и пробелов между ними, которые данный язык допускает в качестве осмысленных и употребимых. Соответственно, мы цитируем предложение в косвенной речи в том смысле, что всего лишь озвучиваем эту допустимую комбинацию в качестве объекта чьей-либо установки. Поэтому (4) и (5), строго говоря, должны быть переписаны в соответствии со следующими формулами: *w* истинно-считает “…”

4 Подробнее об этом см.: [16. P. 211–213], и в целом §§ 44–45, а также [2. С. 223]. Это, конечно, лишает смысла само выражение «пропозициональная установка», в котором речь идет об отношении к пропозиции, а не к предложению, т. е. к той мысли, которую предложение лишь выражает. Так что неудивительно, что Куайн, в конечном счете, отказал пропозициональным установкам (и убеждениям, в частности) в праве на реальное существование.

в *L*; *w* истинно-сказал "..." в *L*, где *L* и есть тот язык, которому принадлежит предложение в кавычках. Нарушение принципа подстановки в таком случае объясняется различием форм заменяющих друг друга предложений. Но самое главное — не надо путать упоминание этих форм (т. е. слов в придаточном предложении) с их употреблением (в качестве отсылающих к чему-либо).

Понятно, что речь здесь идет не о буквальной имитации, поскольку «предложение может иметь различные значения в разных языках; и... одно и то же предложение может иметь разные истинностные значения в одном и том же языке» [1. С. 239]. Иными словами, для того, чтобы приписать Галилею пропозициональную установку относительно «Земля вертится» вовсе не обязательно произносить по-итальянски *Eppur si muove*. Дабы избежать релятивизации к конкретному языку, Куайн предположил, что предложение в придаточной части должно не буквально совпадать, но лишь иметь определенное отношение к тому предложению, установку на которое мы кому-либо приписываем. Идентичность здесь относится к содержанию предложения, а не к форме. Поэтому придаточное предложение является в языке говорящего своего рода *переводом* того предложения, которое было объектом установки Галилея [1. С. 237]. Впрочем, речь в данном случае не идет и о синонимии в узком смысле слова, поскольку это противоречило бы той критике сходства значения, с которой Куайн выступал.

На самом деле Куайн предлагает релятивизацию к *говорящему*, т. е. к тому, кто приписывает кому-либо пропозициональную установку. Действительно, (4) и (5) подталкивают к мысли, что здесь связаны троичным отношением человек (Галилей), лингвистическая форма и язык. Однако Куайн считает, что в обоих случаях предложение «Земля вертится» надо понимать прежде всего *в смысле того*, кто приписывает эту установку:

(6) Галилей истинно-считает «Земля вертится» в *моем* смысле.

Речь здесь о том смысле, в каком именно *я* бы использовал данное предложение. Здесь можно добавить: если бы он говорил на моем языке и имел те же языковые диспозиции. Грубо говоря, если бы Галилей оказался на моем месте, он бы описал свое убеждение на моем языке именно таким образом. Поэтому триадичное отношение «*x* истинно верит в *s* в смысле *y*» связывает одного человека (Галилей), языковую форму и другого человека (меня). Данное обстоятельство легко не заметить Обычно эта релятивизация к приписывающему установку лишь подразумевается, поскольку придаточное предложение уже сформулировано на его языке [16. P. 214]. Даже если тот человек, которому говорящий приписывает некое убеждение, в действительности не произносил никаких слов, которые бы репрезентировали его убеждение, то, тем не менее, в косвенной речи (и вообще в приписывании установок) мы всегда учитываем тот факт, что *если бы* этот человек честно и искренне высказал свое мнение, то он произнес бы предложение, являющееся переводом нашего. Действительно, как подчеркивает Дэвидсон, «только кто-то владеющий языком может мыслить, так как обладать мыслью — значит иметь диспозицию к высказыванию вслух определенных предложений

с соответствующей силой при данных обстоятельствах» [1. С. 237–238]. В дальнейшем, как мы увидим, Дэвидсон развил последнее уточнение Куайна относительно релятивизации к говорящему.

В целом, Дэвидсон назвал такой подход подражательной теорией (*mimic-theory*), заявив, что ничего не имеет против, но считает, что в принципе паратактический анализ пропозициональных установок может обойтись и без нее, тем более, что со стороны Куайна это было лишь предположение, которое он не развил дальше [1. С. 238]. Более того, относительно данного подхода сразу напрашивается следующее возражение: если оба предложения, являющиеся переводом друг друга, относятся к одной и той же мысли (или содержанию), то не возвращаемся ли мы тем самым снова к пропозициям как не-лингвистическим абстрактным сущностям? Иными словами, остается непроясненным само подражательное отношение к некоему предложению в пропозициональной установке.[5] В конченом счете, замечает Дэвидсон, ссылка на предложения вместо пропозиций или интенсионалов также содержит определенную аномалию, поскольку установить тождество языков и предложений столь же проблематично, сколь и тождество пропозиций [1. С. 148–149].[6]

Возможно, подход Куайна и не является в полном смысле редуктивистским, однако, последствия у него в чем-то похожие — отказ от анализа пропозициональных установок в силу того, что они не поддаются квантификации. Даже с учетом того, что цитатный подход указывает на источник семантических аномалий, а Куайн при этом заявлял о согласии с аномальным монизмом Дэвидсона в отношении ментального [15. P. 87, 98], все-таки слишком капризное поведение предложений убеждения, да и в целом неопределенный статус убеждений в качестве объектов не позволяет пропозициональным установкам стать темой серьезного научного исследования. Куайн оставляет их для повседневного дискурса в качестве одной из привычек выражения. Тем не менее, можно сказать, что Куайн не только заложил основы паратактического анализа пропозициональных установок, но, возможно, первым описал семантическую аномалию такой, какой она впоследствии предстала у Дэвидсона, а именно — как одно из предварительных условий коммуникации, а не как теоретическая проблема, которую надо разрешить [1. С. 150, а также С. 152–153]. Возможно, именно по этой причине референциальная непро-

---

5 С. Блэкберн адресовал это возражение в том числе и Дэвидсону, хотя тот уже предвосхитил его. См. [5] и [1. С. 156]. Другое возражение, которое выдвигали Куайну и с которым Дэвидсон в определенном смысле согласен, касается вопроса о том, как быть с не-лингвистическими существами, которым мы тоже, пусть и с определенными оговорками, можем приписывать убеждения. Куайн на это отвечал, что страх мыши перед кошкой вполне можно назвать страхом некоего английского предложения. Пусть даже это звучит несколько неестественно, но это не значит, что такое предположение ошибочно. Впрочем, и этот ответ Куайна многим показался неудовлетворительным. См. [2. С. 223 и 16. P. 213].

6 Дело еще усугубляется и тем, что, пытаясь уйти от строгой синонимии, мы можем столкнуться межязыковой омонимией, как, например, в таких курьезных случаях: *Empedokles liebt* («Эмпедокл любит» — *нем.*) и *Empedokles leapt* («Эмпедокл прыгнул» — *англ.*) оба звучат одинаково [1. С. 147]. Впрочем, Куайн осознавал данное обстоятельство не хуже Дэвидсона, на что неоднократно и указывал [См., например, 2. С. 225]. Последнее обстоятельство, по всей видимости, и послужило одной из причин его отказа от анализа пропозициональных установок [2. С. 225; 16. P. 221].

зрачность и неопределенность перевода могут служить инструментами анализа высказываний, а не препятствиями для него.

4. Продолжая линию экстенсионального анализа речевого поведения, Дэвидсон делает существенный шаг вперед, значительно реформировав подражательную теорию Кауйна. Прежде всего, считает Дэвидсон, необходимо восстановить семантическую невинность, утраченную после того, как философы вслед за Фреге решили, что «предложения содержания в разговоре о пропозициональных установках могут странным образом указывать на такие сущности, как интенсионалы, пропозиции, предложения, высказывания и надписи» [1. С. 160–161]. Мы спокойно можем отказаться от той странной идеи, что слова могут указывать на что-то еще (что-то экзотичное), помимо их обычной референции к вещам и положению дел в мире. Действительно, многие полагают, что, если слова не употреблены, а лишь упомянуты (в цитате или в косвенной речи), то они якобы имеют особое значение, отсылая, как было сказано выше, к своему собственному смыслу. Однако семантическая невинность, о которой говорит Дэвидсон, означает, что слова и выражения на самом деле не изменяют свои семантические свойства, когда входят в косвенную речь и другие т. н. интенсиональные контексты. Дэвидсон считает, что, если язык и является инструментом, который может служить различным целям (в том числе и приписыванию установок), то не только за счет ригидности своих синтаксических структур, но и за счет неизменности своих семантических характеристик, т. е. за счет того, что он называл автономностью значения языковых выражений (подробнее об этом будет сказано дальше).

Прежде всего Дэвидсон вносит небольшое изменение: говорить надо не о предложениях, а о высказываниях. Это обусловлено тем, что Дэвидсон считает истину свойством не пропозиций или предложений, а *акта* высказывания некоего предложения конкретным человеком в определенное время. Дэвидсон, как известно, использовал теорию истины в духе Тарского для прояснения значений и логической формы языковых выражений. Одним из результатов такого применения теории стал вывод о том, что большинство предложений естественного языка уже содержит в себе демонстративные элементы, которые так или иначе указывают на ситуацию (или, если угодно, событие) произнесения этих предложений, т. е. на условия их истинности. Эти элементы могут присутствовать в предложении и в неявной форме, т. е. не обязательно в виде указательных местоимений, а хотя бы только в виде того времени, в котором стоит основной глагол (или глагол-связка) предложения. Собственно идея Дэвидсона относительно применения метода Тарского к пропозициональным установкам и косвенной речи заключается в том, что в случае (1) мы ошибочно воспринимаем как одно высказывание то, что на самом деле является двумя высказываниями. Эти высказывания объединены в одном предложении не с помощью союза, а скорее интонационно и по смыслу. Необходима лишь небольшая модификация, чтобы стало ясно, что слово «что» (*that*) в косвенной речи является не союзом, как может показаться, а указательным местоимением («это» — в русском языке), осуществляющим демонстративную референцию к тому высказыванию, которое мы кому-либо приписываем.

(7) Галилей сказал это. Земля вертится.

Надо сразу отметить, что в английском языке слово *that* может выступать и как союз, и как демонстратив, тогда как в других языках (например, в русском или французском) эти функции обычно осуществляют разные слова. Впрочем, Дэвидсон как раз и подчеркивает, что мы должны обращать внимание не на поверхностную грамматику, а на семантическую функцию слов, или, иными словами, на логическую форму предложений. Этой цели, в частности, и служит перефразирование, тем более что в данном случае оно практически минимально. Предложение в косвенной речи всегда можно разделить точкой, как это сделано выше, причем без ущерба для смысла. Конечно, порядок следования этих двух предложений можно изменить, однако демонстратив «это» все равно будет указывать на выражение «Земля вертится». В любом случае предложения в косвенной речи, говорит Дэвидсон, «состоят из выражения, указывающего на говорящего, двухместного предиката “сказал” и демонстративного термина, указывающего на высказывание», которое мы в данном случае приписываем Галилею [1. С. 158]. Для нас здесь важно то, что второе предложение, в котором воспроизведено содержание высказывания Галилея, с логической и семантической точки зрения не связано *необходимым* образом с тем предложением, в котором Галилею приписывается некое высказывание. Поэтому, как считает Дэвидсон: «С семантической точки зрения предложение содержания в косвенной речи не содержится в предложении, истинность которого оценивается, то есть в предложении, оканчивающемся на “это”» (там же). Иными словами, Дэвидсон указывает на то, что в случае косвенной речи мы, на самом деле, с помощью одной грамматической формы (т. е. одного предложения) делаем *одновременно* два высказывания, осуществляя, тем самым, два относительно независимых друг от друга речевых акта, которые связаны дейктически, а не грамматически.

Отсюда следует сразу два вывода. Во-первых,

> мы можем исключить нежелательное (хотя и общепринятое) представление о том, что подчиненное предложение, вводимое через «что», требует абсолютно иной интерпретации, чем если бы оно появилось в иных контекстах. Поскольку в обычных контекстах предложения не являются именами или дескрипциями, мы можем, в частности, отбросить допущение о том, что у установок есть такие объекты как суждения, которые могли бы быть поименованы или описаны с помощью подчиненных предложений, вводимых через «что». У нас не должно быть искушения назвать то высказывание, к которому, согласно паратактическому анализу, осуществляется референция, объектом приписываемой установки [1. С. 236–237].

Во-вторых, полагает Дэвидсон, с помощью паратактического анализа мы можем объяснить, почему в косвенной речи нарушаются обычные правила экстенсиональной подстановки. Иными словами, мы можем разрешить приписываемый косвенной речи парадокс, который заключается в том, что входящие в косвенную речь предложения (в том, что касается их истинности) не имеют своих обычных

логических следствий, которые они, как правило, имеют вне этого контекста. Суть в том, что если при замене второго (т. е. придаточного) предложения на синонимичное кореферентное ему изменяется истинность первого, то это объясняется тем, что осуществляемая с помощью «что» (т. е. «это») референция будет изменяться каждый раз, когда изменяется следующее за ним высказывание [1. С. 175].[7] Тем самым паратактический анализ объясняет аномальное поведение языковых выражений в контексте пропозициональных установок, однако, — и это важно, — *не устраняя* саму аномальность (как необходимый фактор, или условие), а лишь указывая ее источник. Короче говоря, он придает ей естественный характер и указывает, до какой степени мы можем ее формализовать.

В связи с последним обстоятельством Дэвидсон делает следующее важное замечание:

> Поскольку высказывание «Галилей сказал это» и любое высказывание, следующее за ним, семантически независимы, нет основания предписывать, исходя из одной только формы, какое-либо *особое* влияние изменения истинности второго на истинность первого. С другой стороны, если бы второе высказывание никак не было связано с первым, то первое высказывание *могло* бы иметь иное истинностное значение, поскольку изменилась бы референция слова «это» [1. С. 160].

Наконец, следует учитывать тот факт, что указательное местоимение выполняет функцию демонстратива только в результате нашей интерпретации. Само по себе оно ни на что не указывает. Причем интерпретация демонстративов в качестве указующих на что-то всегда тесно связана с обстоятельствами места и времени, т. е. с параметрами контекста приписывания установки. Действительно, если демонстратив указывает не только и не столько на предложение, сколько на высказывание, то тем самым он указывает на обстоятельства и условия произнесения этого предложения, т. е. на условия его истинности. Можно добавить еще разговорный контекст в качестве дополнительного фактора. Все вместе это и задает аномальный характер пропозициональных установок, т. е. их непредсказуемость и флуктуации в отношении логического вывода. Одновременно это означает, что именно в силу разнообразия факторов, участвующих в формировании пропозициональных установок, семантика предложений о пропозициональных установках не редуцируема к их синтаксису. Однако данное положение о не-редуктивизме (в смысле неустранимой аномальности условий истинности) еще нужно обосновать.

5. Итак, высказывание «Галилей сказал это» может указывать на любое из высказываний Галилея, и в этом смысле оно семантически независимо от них. С дру-

---

7 Первым к подобному выводу, как мы видели, пришел Куайн. Однако в данном случае он говорил о цитируемых предложениях, пусть даже и собственного языка, а не о высказываниях. К тому же Куайн говорил об отношении именно говорящего к некоторому предложению, тогда как Дэвидсон говорит в первую очередь об отношении между самими предложениями, точнее, их высказываниями. От этого различия, как будет видно дальше, зависит многое.

гой стороны, стоит учитывать, что любое из этих высказываний является одним из условий истинности первого. Иными словами, оба высказывания связаны как два речевых *события*, одно из которых указывает на другое и может считаться истинным высказыванием, если действительно имело место второе. Очевидно, что высказывание «Галилей сказал это» будет истинным и в том случае, если за ним будут следовать другие сказанные Галилеем слова (например, не о Земле или не о том, что она вертится), но будет ложным, если это будут слова, которых он не говорил. Именно поэтому в том, как устроена косвенная речь, нет ничего семантически необычного. Или иначе: семантические аномалии являются обычным делом, причем не только для косвенной речи, а вообще относительно того, как могут быть связаны два семантически независимых высказывания. Обратите внимание, например, на стандартную неопределенность в тех случаях, когда непонятно, кому приписывают те или иные слова, которые в какой-то момент могут быть приписаны кому угодно: «Это Ваши слова или кого-то другого?», «Это Вы так считаете или он?»

Тем не менее, несмотря на относительную семантическую независимость двух высказываний в косвенной речи, между ними все-таки есть интересная связь, и именно семантическая: это связь между их условиями истинности. Проясняя логическую форму косвенной речи, Дэвидсон делает следующий нетривиальный шаг: он не просто проводит аналогию между косвенной речью и перформативом, но прямо указывает на присутствие последнего в косвенной речи в качестве обязательного элемента [1. С. 174–176]. Более того, косвенную речь можно считать разновидностью перформативного речевого акта, а сами перформативы — поддающимися паратактическому анализу. Перформативный акт в случае косвенной речи осуществляется с помощью высказывания первого предложения, которое выполняет роль *объявления* следующего за ним высказывания. «Галилей сказал это» можно понимать как «Галилей сказал вот что», и далее следует содержание высказывания Галилея. Действительно, то, что перформативное высказывание может осуществляться с помощью вводного предложения, видно на таких примерах, как «Он приказал сделать следующее» или «Я приказываю вот что» (далее следует содержание приказа).

Вопреки распространенному мнению о том, что перформативы не являются ни истинными, ни ложными, Дэвидсон обращает наше внимание на то, что они вполне могут рассматриваться как истинные, «так как тогда говорящий произносит слова, которые если истинны, то исключительно благодаря содержанию и модусу следующего за ними действия» [1. С. 159]. Этим действием может быть приказ, утверждение, просьба и т. д. Например, мое высказывание «Я приказываю вот что» будет истинным, если за ним действительно последует приказ, т. е. высказывание с соответствующим содержанием и в соответствующем модусе. Точнее, я должен буду *сделать* его истинным. Если же, как в случае косвенной речи, я приписываю кому-то утверждение, то «все, чего требует истинность перформативного выражения, — это чтобы второе высказывание, в каком бы то ни было модусе (утвердительном или нет), соответствовало содержанию утвердительного высказывания», которое я этому человеку приписываю [1. С. 159]. А поскольку

проблем с исполнением заявленного речевого акта обычно не возникает, то перформативы, замечает Дэвидсон, имеют тенденцию к самореализации. Иными словами, *как правило*, перформативы (т. е. вводные высказывания) истинны, что и подтолкнуло некоторых философов к выводу о том, что их нельзя оценивать с точки зрения истинности или ложности, а только с точки зрения осмысленности, уместности или успешности.[8]

Более того, не только перформативы, но и вообще все высказывания в неизъявительном наклонении Дэвидсон анализирует с паратактической точки зрения как разложимые на выполнение двух семантически независимых речевых актов: высказывание изъявительного предложения («Земля вертится», «Вы уходите») и высказывание выражения, устанавливающего грамматическое наклонение, т. е. иллокутивную силу, этого изъявительного предложения («Я прошу Вас», «Я приказываю вот что», «Я утверждаю следующее» и т. д.). Каждое из этих высказываний, как мы видим, предполагает, как и в случае косвенной речи, свои собственные условия истинности. Высказывание вводного предложения, полагает Дэвидсон, это высказывание утвердительного выражения, устанавливающего императивное наклонение [1. С. 178], т. е. выражения, описывающего иллокутивную силу следующего за ним высказывания изъявительного ядра: высказывание «Это приказ» будет истинным, если следующее за ним высказывание изъявительного ядра имеет указанное императивное наклонение, т. е. указанную иллокутивную силу. При этом вводное высказывание может только подразумеваться (например, с помощью интонации), т. е. присутствовать имплицитно, или быть добавлено только потом: «Вы уходите. Это приказ». Действительно, у нас есть много разных способов дать понять, с какой иллокутивной силой надо воспринимать то или иное выражение.

Перформатив как высказывание неизъявительного предложения не обладает истинностным значением только в том смысле, что истинностным значением, на самом деле, обладают те два высказывания, из которых он состоит: «Каждое из этих высказываний обладает истинностным значением, но объединенное высказывание — это не высказывание конъюнкции, и, таким образом, не имеет истинностного значения» [1. С. 179]. Короче говоря, перформативное высказывание можно рассматривать как семантический *эффект* от паратактического объединения высказывания двух изъявительных предложений, а косвенную речь — как частный случай такого объединения.[9] Впрочем, здесь важно отметить, что Дэвидсон налагает и определенное ограничение на такое описание, поскольку, как мы

8 Кого-то может смутить то, что действия, пусть и речевые, могут быть истинными, т. е. что они могут быть охарактеризованы с точки зрения значения истинности. Однако следует учитывать, что Дэвидсон считает истину свойством не предложений, а высказываний, которые, собственно, и являются речевыми действиями.

9 Разложение перформативного высказывания на два речевых акта во многом совпадает с тем, как Дэвидсон рассматривает действие как таковое, разлагая его на ряд примитивных телодвижений (*primitive bodily movements*), которые сами не являются в собственном смысле интенциональными действиями, но «собираются» в таковое (например, завязывание шнурков) в том или ином описании. [См.: 7. P. 41–61]. Такой подход к перформативам в каком-то смысле лишает их того таинственного обаяния или особого статуса, который связан с представлением о том, что они обладают уникальной способностью непосредственно воздействовать на реальность.

увидим далее, одна из паратактически объединенных составляющих не вполне является предложением, хотя и может быть выражена только в виде изъявительного предложения.

6. Однако между условиями истинности двух высказываний есть и обратная зависимость. Поэтому сразу стоит отметить два важных момента. Во-первых, последующее высказывание изъявительного ядра будет *считаться* имеющим указанную иллокутивную силу, если ничто этому не препятствует. Именно поэтому вводное высказывание не просто описывает, но и *устанавливает* иллокутивную силу. Иными словами, оно дает понять, как надо понимать значение того или иного высказывания (Ср.: «Это вопрос или утверждение?»). Во-вторых, изначально императивное высказывание в результате анализа распадается на два неимперативных, но, тем не менее, это не просто два утверждения или два изъявительных предложения. По мнению Дэвидсона, «[в]ыражение, устанавливающее наклонение, не может быть никаким реальным предложением…, так как оно представляет собой некоторое преобразование» [1. С. 177]. Это выражение *преобразует* изъявительное предложение («Вы уходите») в неизъявительное. И если преобразование *состоялось*, то данное выражение можно считать справедливой (т. е. истинной) характеристикой изъявительного предложения. Собственно, поэтому Дэвидсон и называет это выражение *модификатором* грамматического наклонения.

> Когда перформативные выражения употребляются в первом лице настоящего времени, появляется второй по счету интересный рефлексивный результат, так как тогда говорящий произносит слова, которые, если истинны, то исключительно благодаря содержанию и модусу следующего за ними действия, а последний, в свою очередь, может определяться тем же перформативным введением [1. С. 159].

На первый взгляд здесь как будто присутствует логический круг. Разве не само это преобразование, т. е. наделение иллокутивной силой, мы хотели определить с помощью вводного предложения-модификатора? Если следующее за перформативным введением высказывание уже само по себе является *действием*, то это введение не более чем комментирует или описывает иллокутивную силу, но не устанавливает ее. Иными словами, что позволяет вводному предложению осуществить данное преобразование? Разве недостаточно указать на интенцию говорящего, которая и так уже в виде ментального состояния предполагается в перформативном высказывании и не обязательно нуждается в присутствии на лингвистическом уровне в виде того или иного языкового выражения? Если одного только намерения говорящего недостаточно, то можно, конечно, обратиться за помощью к конвенциям, заявив, что и от них зависит как иллокутивная сила, которую мы придаем изъявительному ядру неизъявительного предложения, так и значение вводного выражения «Это приказ», необходимость которого для установления иллокутивной силы просто отпадает.

Однако для Дэвидсона это было бы скорее уклонением от проблемы. Суть его ответа заключается в том, что *ничто* не гарантирует преобразование

изъявительного ядра в неизъявительное (например, императивное) выражение. Действительно, говорящего могут просто не понять: я приказываю, прошу или что-то утверждаю? Наконец, я могу и передумать отдавать приказ, или просто не заметить, что я скорее прошу, чем приказываю. Языковые конвенции, значение вводного предложения, интонация, выражение лица и т. д. лишь способствуют пониманию, но не более того. Между двумя высказываниями нет жесткой предустановленной связи, поскольку, как отмечает Дэвидсон, «модус слов не может гарантировать модус высказывания» [1. С. 159]. Поэтому относительно вводного предложения Дэвидсон говорит следующее: «Значение этого выражения конвенционально, но ничто не позволяет предположить, что это значение определяет иллокутивную силу высказывания, связанного с ним изъявительного наклонения или его пары» [1. С. 178]. Именно поэтому для Дэвидсона понятие иллокутивной силы — это лишь *часть* значения грамматического наклонения, т. е. она лишь частично от него зависит. Грамматическое наклонение лишь косвенно позволяет установить значение высказывания [1. С. 163]. Этим, кстати, обусловлено и то, что не существует конвенционального знака приказа или, например, утверждения (т. е. знака для того или иного грамматического наклонения). Это же касается искренности, шутки и других речевых «настроений»: «Сколько бы мы ни говорили об иллокутивной силе наших высказываний, это не поможет нам поверить, что они имеют эту силу» [1. С. 157].

Причина такого положения дел, считает Дэвидсон, заключается отнюдь «не в том, что иллокутивная сила речевого акта является его чисто ментальным, внутренним или интенциональным аспектом… интенция (намерение) частично состоит в том, что акт должен интерпретироваться как утвердительный или императивный, и поэтому намерение заключается, отчасти, в том, что нечто публично очевидное должно располагать к соответствующей интерпретации» [1. С. 168]. Главное в этом замечании Дэвидсона заключается в том, что высказывание изъявительного ядра не просто может стать успешным действием, но и вообще будет рассматриваться как некое перформативное действие во многом в результате, если угодно, *ответной* интерпретации участников коммуникации. Вводное высказывание (пусть и в виде другого изъявительного предложения — «Это приказ») лишь направляет эту интерпретацию, способствует ей. (И именно поэтому, кстати, вводное высказывание наклонения может оказаться ложным.) Однако, избежав одной крайности — ментализма, или редукции к чистой интенции говорящего, — необходимо избежать и противоположной крайности: редукции к социальным конвенциям, задающим синтаксис и грамматические наклонения. Так, Дэвидсон пишет:

> Легко увлечься спором о степени, до которой намерение носителя языка произвести акт, который будет интерпретирован как утвердительный, должно осознаваться прежде, чем его акт будет правильно назван суждением. Настаивать на том, что суждение было вынесено только в том случае, если оно действительно интерпретируется как суждение, было бы слишком; в то же время требовать лишь наличия намерения — это слишком мало. Мы не должны решать вопрос о том, насколько

> должен преуспеть выносящий суждение в своем намерении. Важно здесь только: должен ли выносящий суждение или отдающий команду намереваться, чтобы слушающий признал намерение через его (выносящего суждение) апелляцию к тому, что он считает или полагает лингвистической конвенцией [1. С. 169].

Иными словами, конвенционально задаваемый индикатор или знак наклонения, Дэвидсон заменяет высказыванием, значение которого лишь частично задается конвенциями, и установить которое можно, в общем и целом, лишь с помощью метода радикальной интерпретации. Поэтому необходимо учитывать все множество факторов, в том числе и невербальных, образующих довольно широкий контекст (да еще и с относительно нечеткими границами) определенного высказывания. Следовательно, «никакой индикатор наклонения не может показывать, или утверждать, или любым другим способом конвенционально определять то, какую силу имеет высказывание» [1. С. 172]. Последним обстоятельством обусловлена и принципиальная неопределенность любой интерпретации, которую, как считал Дэвидсон, можно рассматривать в качестве расширения куайновского тезиса о принципиальной неопределенности перевода. Тем самым, Дэвидсон как бы пытается занять промежуточную позицию между Фреге и Куайном, т. е. избежать редукции к эссенциализму или к сентенциализму в отношении пропозициональных установок.[10]

7. Теперь самое время задаться следующим вопросом: в чем вообще польза от того, что объединив косвенную речь и перформативы, мы считаем, что изъявительные предложения в таких случаях должны сопровождаться модификаторами грамматического наклонения? Что нам дает тот факт, что интенциональность пропозициональных установок мы будем рассматривать с точки зрения отношений только между высказываниями с их собственными условиями истинности?

Прежде всего необходимо учитывать тот факт, что описание иллокутивной силы предложения никогда окончательно не завершено («Вы уходите. Это приказ. Я пошутил»).[11] Иными словами, никогда окончательно не завершено определение условий истинности предложения — это приказ, шутка или что-то другое? Оно всегда может оказаться чем-то еще. И дело здесь не в том, до или после высказыва-

---

10 В статье «Метод истины в метафизике» Дэвидсон отдает должное тому вкладу, который Фреге и Куайн внесли в анализ пропозициональных установок, сравнивая их подходы и, одновременно, указывая на то, в чем он с ними расходится. [См.: 1. С. 282–283, 289–290]. Роберт Брэндом, развивая паратактический анализ Дэвидсона, также указывает на возможность объединения достоинств сентенционального и пропозиционального подходов, избежав при этом их недостатков. В частности, первый подход увязывает пропозициональную установку с чем-то конкретным и эмпирическим, а именно — с использованием предложений, но при этом часто игнорирует связь индексикалов с контекстом; второй, наоборот, позволяет учитывать все богатство контекстуальных связей, отражаемых в содержании предложения, упуская при этом то, как это содержание связано с используемыми предложениями [6. P. 538–539]. Смещение же акцента на высказывание позволяет удерживать в поле зрения одновременно и предложение, и контекст, в котором его произносят.

11 Действительно, мы всегда можем добавить к какому-то высказыванию «Это — шутка», а потом, допустим, «Но в каждой шутке есть доля шутки» и т. д. То же самое относится и к высказываниям с «но», «однако», «тем не менее» и т. п.

ния идет описание иллокутивной силы, или, как говорит Дэвидсон, одновременно с ним. Мы всегда находимся в подвешенном состоянии относительно смысла сказанного кем-либо — в этом суть и необходимость радикальной интерпретации. Стремление уловить смысл сказанного, или, иными словами, уточнить условия истинности сказанного, заставляет отвлекаться от уже сделанных высказываний, создавая своеобразный «скользящий» эффект: мы никогда до конца не уверены, что все поняли или что сами являемся понятыми, и поэтому переходим ко все новым высказываниям, либо переводим внимание на те или иные особенности ситуации. Действительно, речевому событию, как и вообще любому событию в онтологии Дэвидсона, можно дать бесконечно много описаний, не обязательно противоречащих друг другу, а хотя бы просто раскрывающих новые перспективы на это событие. Причем мы не можем раз и навсегда зафиксировать смысл не только сказанного, но и вообще всего происходящего. Мы постоянно помним, что всякое слово или предложение может иметь множество самых разных функциональных ролей и связей, которые нужно учитывать при интерпретации. Во многом именно на них направлено наше внимание в контексте разговора.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: описание иллокутивной силы может быть дано не только одновременно (или сразу до, или после) с высказыванием изъявительного ядра (например, в виде интонации), но задолго или спустя какое-то время после его произнесения. Более того, таким описанием, т. е. модификатором грамматического наклонения, может служить *любое* высказывание или любая совокупность высказываний, как и вообще весь вербальный и невербальный контекст. Иными словами, если нет каких-то специальных выражений или модификаторов иллокутивной силы, как об этом говорит Дэвидсон, то можно считать, что *вся* каузальная история наших высказываний (и вербального поведения в целом) может служить таким модификатором. Причем стоит отметить, что она выступает в этом качестве постоянно. Означает ли это, что паратактический анализ касается вообще всех высказываний, и что он распадается не просто на два высказывания, а на высказывание и его контекст? Если это так, то практически все высказанные предложения можно рассматривать как в широком смысле придаточные, но уже по отношению ко всему множеству возможных высказываний, т. е. к языку в целом. Ведь семантический холизм как раз и подразумевает такую возможность связать конкретное предложение с любым другим из возможных предложений в данном языке. Действительно, в каком-то смысле широко понятое бессоюзие позволяет любому сколь угодно отдаленному в каузальном плане высказыванию выступать модификатором грамматического наклонения. Вся в целом каузальная история конкретного человека может выступать таким модификатором, который проясняет значение высказываний: «Зная его, могу предположить, что его слова означают вот что», «На основании своего опыта могу сказать следующее» и т. д. Именно поэтому столь важным является уже цитированное выше замечание Дэвидсона о том, что «[в]ыражение, устанавливающее наклонение, не может быть никаким реальным предложением… так как оно представляет собой некоторое преобразование», даже если «единственная форма, которую это выражение может иметь, единственная функция, которую

оно может исполнять, — это предложение», поскольку оно и «ведет себя как предложение» [1. С. 177]. Отсюда можно заключить, что не только данное выражение не может быть обычным сентенциальным оператором, но у нас в принципе нет возможности строго определить, что и как может выполнять эту функцию: «[П]остроение теории того, как значение неизъявительного предложения может быть результатом объединения значения изъявительного со значением выражения, устанавливающего наклонение, кажется практически невыполнимой задачей» [1. С. 176].

8. Теперь естественным образом возникает следующий вопрос: откуда тогда берется все это многообразие модусов грамматического наклонения и, соответственно, иллокутивного значения высказываний? На первый взгляд, здесь есть две альтернативы: либо редуцировать все это многообразие к изъявительным предложениям и различным вариантам их комбинации (полагаясь только на теорию истины, т. е. на установление условий их истинности), либо попытаться как-то упорядочить это многообразие с помощью определенной классификации.

Первую альтернативу Дэвидсон отклоняет как излишне редуктивистскую. Признавая, что теории, предлагающие данное решение, не отрицают наличие истинностного значения у неизъявительных предложений и позволяют, тем самым, использовать метод истины в духе Тарского, Дэвидсон, тем не менее, замечает:

> это достоинство редуктивных теорий так же объясняет их неудачу, так как простое сведение императивов и вопросительных форм к изъявительным наклонениям оставляет нас вовсе без теории различий между грамматическими наклонениями. Если любая из редуктивных теорий верна, то грамматическое наклонение столь же нерелевантно для значения, как это часто говорят о голосе. Если грамматическое значение не затрагивает значение, то как мы можем надеяться объяснить связь между грамматическим наклонением и использованием, к чему бы эта связь ни вела? Редуктивный анализ скорее отказывается от проблемы… чем решает ее [1. С. 170].

Действительно, даже если на время согласиться с редуктивистской точкой зрения, нам снова понадобится что-то вроде типологии, но на этот раз — связей и комбинаций между изъявительными предложениями. Но как редуктивный анализ надеется ее построить?

С другой стороны, существует точка зрения, что разновидностей речевых актов (и, соответственно, грамматических наклонений) в языке столько же, сколько и глаголов. Однако, как замечает Герхард Прейер, все обстоит намного сложнее [14. P. 288]. Многие глаголы не сводятся к отдельным речевым актам, а характеризуются определенной ролью или функцией: «спрашивать», «отвечать», «обещать» и т. д. — все это можно делать одновременно с помощью разных глаголов. Другие глаголы характеризуются определенным типом дискурса: «рассказывать», «пересказывать», «доказывать» и т. д. Поэтому все множество речевых актов надо рассматривать с точки зрения *основных* видов грамматических наклонений. Прейер

предлагает рассматривать отдельные речевые акты как реализацию иллокутивных типов. Иными словами, отдельный речевой акт как иллокутивное значение конкретного предложения — это результат высказывания данного предложения в определенных обстоятельствах, или, иначе, результат применения иллокутивного типа к определенному пропозициональному содержанию.

Но вся проблема в том, что иллокутивных типов тоже более чем достаточно (возможно, что грамматических наклонений даже больше, чем количество глаголов). А с другой стороны, как отмечает сам Прейер, не всегда так просто установить с каким именно грамматическим наклонением мы имеем дело в конкретной ситуации, т. е. разграничить один тип и другой. Например: «я приказываю», «я настаиваю» и «я решительно настаиваю», — это все разные иллокутивные типы или один? Короче говоря, остается вопрос о том, откуда эти типы речевых актов берутся, и можно ли вообще построить типологию иллокутивных актов (т. е. грамматических наклонений)? Не то, чтобы такая типология была невозможна, просто она всегда будет носить неустойчивый и размытый характер: какие еще новые иллокутивные типы могут появиться или, наоборот, исчезнуть? К такому выводу, кажется, подталкивает сама природа речевого акта, тесно связанного с человеческой деятельностью. Взять, например, заклятие как тип речевого действия (перформатив).

Возможно, решение Дэвидсона заключается в том, чтобы, не отказываясь от теории грамматических наклонений, отказаться, тем не менее, от построения их типологии. Иными словами, допустить аномалию, насколько это возможно, предоставив одновременно инструмент для того, чтобы справиться с ней или просто иметь с ней дело — теорию истины, применимую к изъявительному ядру как общему (синтаксическому и семантическому) элементу всех высказываний и наклонений. Не-редуктивистский подход к многообразию грамматических наклонений тем самым признает законность семантических аномалий в качестве фактора, который надо постоянно учитывать. Собственно, в этом, на наш взгляд, и заключается основной замысел паратактического анализа. Можно добавить, что семантические аномалии в этом смысле являются оборотной стороной семантического холизма, поскольку последний подразумевает возможность любых сколь угодно неожиданных паратактических объединений, — и метафора, среди прочего, тому свидетельство.

Но как тогда связать теорию истины и не-редуктивистский подход к многообразию грамматических наклонений? Действительно, для многих критиков и комментаторов Дэвидсона остается проблемой то, как можно перейти с помощью теории истины в духе Тарского от буквального значения слов и выражений в высказывании к употреблению этого высказывания, т. е. к его иллокутивной силе? Возможно, однако, решение этой проблемы в том, чтобы понять, что он *уже* дал на нее ответ.

Действительно, общим элементом всех грамматических наклонений с точки зрения синтаксиса является изъявительное ядро, которое в зависимости от ситуации подвергается преобразованию с помощью модификатора (т. е. наделяется той или иной иллокутивной силой); а с семантической точки зрения таким общим

(до определенной степени, разумеется) элементом являются условия истинности этого изъявительного ядра. Все остальное варьируется в зависимости от ситуации. Отсюда эта принципиальная неопределенность иллокутивной силы высказываний и, соответственно, их интерпретации — в ней слишком много всего задействовано, на очень многое можно обратить внимание. Однако это не угрожает общему пониманию чужой речи. Модификатор наклонения, чем бы он ни был и в каком бы качестве не выступал, объединяет изъявительное ядро с остальной совокупностью высказываний таким образом, чтобы придать иллокутивное значение этому изъявительному ядру. Модификатор грамматического наклонения всегда действует совместно (или в окружении) других модификаторов, выступающих своеобразными промежуточными звеньями между высказываниями и ситуациями («Вот такая сложилась ситуация. Это означает вот что. Вы уходите. Это приказ. Помните об этом»). Соответственно, модификаторы отличаются друг от друга тем, *как* именно они предлагают объединять это изъявительное ядро с другими высказываниям. Иными словами, в зависимости от той конфигурации соединений (в том числе и логических), которые данный модификатор устанавливает с помощью различных дейктических средств. Стоит учитывать при этом, что количество известных отдельному человеку иллокутивных типов определяется только его лингвистическим опытом: от игры к шутке, от шутки к иронии, от иронии к пророчеству и т. д. Собственно, косвенная речь и является разновидностью или, если угодно, одним из результатов такого объединения, которому мы учимся на ранних этапах своего развития. Поэтому, чтобы лучше понять, как это происходит, можно снова обратиться к ней.

9. Одним из главных нововведений Дэвидсона в анализе косвенной речи является изобретенный им неологизм *samesaying* («сказать то же самое»), который модифицирует цитатный подход Куайна. Так, мы можем переформулировать (1), и соответственно (7), следующим образом:

(8) Галилей высказал суждение, содержание которого передается следующим моим высказыванием. Земля вертится.

Или в более официальной версии Дэвидсона:

(9) (x) (Галилей высказал *x*, и следующее мое высказывание делает нас говорящими одно и то же (*samesayers*)). Земля вертится.[12]

Суть понятия *samesaying*, которое, можно сказать, и является основой метода радикальной интерпретации,[13] заключается вовсе не в синонимичности значения произносимого (или только мыслимого), как полагают многие комментаторы, — по крайней мере, не только в ней. Действительно, во многом использование этого

12 См.: [9. P. 195].
13 Более подробно об этом см. [8. P. 89–107].

понятия повторяет цитатный подход Куайна и релятивизацию к говорящему, поскольку указывает на то, что в принципе любой человек, имеющий убеждения, которые он только *мог бы* выразить, рассматривается как считающий некое предложение истинным при определенных условиях. Задача интерпретатора состоит в том, чтобы понять, при выполнении каких именно условий. Если это установлено, то интерпретатор также может рассматривать себя как того, кто при тех же условиях *мог бы* произнести данное предложение в качестве истинного.

Однако следует учитывать, говорит Дэвидсон, что в данном случае я являюсь говорящим одно и то же не относительно иллокутивной силы чьего-то высказывания, а относительно его содержания. Это не значит, что мое повторение, воспроизведение чужого высказывания («Земля вертится»), само не является высказыванием и не обладает никакой иллокутивной силой. Дэвидсон специально обращает на это внимание, указывая на недостаточность и даже ущербность понимания *samesaying* только с точки зрения синонимии и цитирования, что часто и приводило к недопониманию.[14] Иллокутивную силу я только описываю во втором высказывании, которое и выступает модификатором грамматического наклонения [1. С. 237]. Иными словами, предложение «Земля вертится» в моих устах имеет уже *иную* иллокутивную силу, чем в устах Галилея, а именно — иллокутивную силу *samesaying* (а не просто утверждения, как в случае самого Галилея), которое и характеризует *мою* косвенную речь. И придает этому предложению эту новую иллокутивную силу то высказывание (выступающее модификатором наклонения), которое предшествует ему в (7), (8) и (9). Это подобно тому, как обычное утверждение «Вы уходите» приобретает новое значение и новую иллокутивную силу (приказа), если сочетается с другим утверждением-модификатором «Это приказ».

Дэвидсон признает, что изобретенное им понятие *samesaying* оставляет определенную неясность относительно того, к чему оно в первую очередь относится — к высказываниям или к самим говорящим. Однако если помнить, что паратактический анализ учитывает оба фактора, то любые усовершенствования в этом направлении, а также критика, считает Дэвидсон, часто либо не имеют существенного значения, либо упускают самую суть предложенного им анализа логической формы предложений, с помощью которых мы приписываем пропозициональные установки. Данное понятие, поясняет он, было предложено им не для анализа понятий «сказал», «говорит» и т. д., задействованных в косвенной речи, а для анализа семантической природы, т. е. логической формы, используемых в ней предложений [См.: 9. P. 195–196; 10. P. 114–115]. Собственно, главной

14 Такое недопонимание, возможно, отчасти вызвано тем, что от Дэвидсона часто ждут соответствия неким стандартам концептуального анализа, нацеленного на семантическую *определенность* понятий. Гэри Кемп, между тем, указывает, что Дэвидсон, скорее, был ориентирован на анализ логической формы, чем на концептуальный анализ. Такое противопоставление во многом соответствует тому предпочтению, которое Дэвидсон отдавал *теории* истины, а не попыткам *определить* истину. В обоих случаях (т. е. теории истины и анализа логической формы) мы оставляем место для семантических аномалий, или, иначе говоря, для семантической неопределенности понятий. (Неопределенность, в данном случае, является принципиальной характеристикой наших понятий, а не просто двусмысленностью.) См.: [11. P. 144–146]. Там же приведен и краткий обзор основных возражений, которые выдвигали паратактическому анализу Дэвидсона.

целью здесь является даже не сама косвенная речь. Иными словами, речь идет о функциональных связях между высказыванием, говорящим и миром, причем независимо от того, на каком языке он говорит, и какие ограничения на него налагает поверхностный синтаксис: «[М]ой “анализ” убеждений (а не предложений, выражающих убеждения) уже содержится в моей теории интерпретации», — говорит Дэвидсон [9. P. 196].

Samesaying, следовательно, надо понимать именно в смысле первичного, или буквального, значения предложений, которое говорящий и ссылающийся на него интерпретатор предположительно разделяют: «Он утверждает в качестве истинного то, что утверждал бы я, *если бы* говорил искренне следующее». Я говорю *то же самое*, но «то же самое» здесь надо понимать как предварительный результат относительно устойчивого (но не жестко фиксированного) словоупотребления [8. P. 89–107]. Здесь сразу возникает вопрос: если *samesaying* определяется через обращение к значению, то не возвращаемся ли мы к тому, от чего собирались уйти — к тождеству пропозиций, только в данном случае речь идет о тождестве значений? На это можно ответить, что первичное значение слов и предложений, по мнению Дэвидсона, будучи действительно, как он говорит, автономным, определяется их устойчивым употреблением в тех или иных контекстах. Иными словами, речь идет не о пропозициях, а об устойчивости условий истинности высказываний, которая и гарантирует устойчивость (автономность) значений предложений. Буквальное, или первичное, значение предложения — это и есть то изъявительное ядро высказывания, которое опознается интерпретатором в первую очередь. Короче говоря, первичное значение предложения находится на уровне самого предложения и не требует обращения к чему-либо еще (к каким-либо интенсиональным сущностям), а является той основой предложения, относительно употребления и условий истинности которой у нас, как правило, сомнений не возникает. Все остальное, как мы видели, т. е. иллоуктивная сила высказывания, дано нам в виде интонации, контекста разговора и т. д. Надо сначала понимать, что означает изъявительная основа «Снег бел», чтобы затем попытаться понять, с какой целью ее используют в данной ситуации — это всего лишь констатация факта, или еще и ирония, сомнение, вопрос, цитата и т. д. [10. P. 114–115].

Дэвидсон, тем не менее, выбирает высказывания в качестве главного ориентира, а не собственно предложения, поскольку надо иметь в виду, что первичное значение слов и предложений также никогда до конца не определено, и не фиксированы раз и навсегда условия их применения. В *samesaying*, поэтому, цитируется не отдельное предложение, а вся (возможная) ситуация высказывания в целом, т. е. та самая взаимосвязь высказывания, говорящего и мира. Именно условия истинности некоторого предложения являются целью косвенной речи, и только затем, как результат, значение всего высказывания. Действительно, косвенная речь, в конечном счете, касается не только слов, но и ситуации в мире: «Возможна такая ситуация (т. е. такие условия истинности), в которой я сказал бы следующее», — это и есть иллокутивная сила, или, если угодно, цель косвенной речи. Косвенная речь (точнее, *samesaying*) в этом смысле (т. е. как диспозиция к тому, чтобы утверждать некоторое предложение в качестве истинного при определенных

условиях) является разновидностью условного сослагательного наклонения. Уже Куайн отметил это свойство вербальных диспозиций, и, в частности, пропозициональных установок [16. P. 222–226]. Только условные суждения в данном случае должны пониматься не в смысле *de re*, а в смысле *de dicto*, т. е. как суждения о чьих-либо словах и высказываниях. Дэвидсон в каком-то смысле поправляет эту точку зрения, добавив, что также и в смысле *de re* — в той мере, в какой мы при этом учитываем условия истинности этих высказываний.

В конечном счете можно сказать, что если бы чьи-то слова вообще не имели ко мне, как интерпретатору чьей-либо речи, никакого отношения, или я в принципе не понимал бы, о чем идет речь, то я и не воспользовался бы косвенной речью.[15] Поэтому местоимение «что», интерпретируемое как демонстратив «это», в косвенной речи всегда функционирует в настоящем времени. Оно указывает, помимо всего прочего, и на ситуацию, в которой оно используется, т. е. на момент произнесения косвенного речевого акта: «Именно *сейчас*, если бы ситуация была подобна той, что и у Галилея, я сказал бы вот это». В том, что я понимаю значение чьего-либо высказывания, уже отражается и мое понимание того, при какой ситуации данное высказывание было бы истинным.[16] Этим косвенная речь отличается от прямой речи и от цитирования, на которые опирался Куайн.[17] В таком случае грамматические наклонения — это различные способы высказаться о том, что происходит здесь и сейчас с помощью самых разных видов синтаксического «монтажа» высказываний.

9. В заключение можно было бы отметить, что акцент на высказываниях, а не на предложениях, в паратактическом анализе является не просто уточнением,

15 Примерно такого же понимания *samesaying* придерживается и Брэндом [6. P. 536].

16 Очевидно, что такая релятивизация к говорящему у Дэвидсона существенно отличается от той, о которой шла речь у Куайна. Действительно, Куайн также говорил о том, что прежде, чем представить, как другой человек выразил бы на нашем языке свое мнение, нам уже необходима эмпатия, т. е. способность поставить себя с помощью воображения на место другого, чтобы вообще понять, какое у него есть мнение. Однако для Куайна это не более чем драматическая постановка нашего воображения, которой, при всех ее достоинствах, нет места в строгой науке, а само понятие пропозициональной установки является, при этом, лишь драматической идиомой [16. P. 219].

17 Одним из первых на это обстоятельство обратил внимание Джон Макдауэл в [13]. В частности, вслед за Куайном и Дэвидсоном он указал на то, что в цитате придаточное предложение как бы «запечатано» (*sealed*), т. е. не имеет непосредственного отношения к ситуации цитирования, тогда как в косвенной речи оно в первую очередь связано именно с ситуацией высказывания. Это можно продемонстрировать следующим примером. В высказывании «Иван сказал: “Я устал”» местоимение «я» отсылает к Ивану, а не к тому, кто цитирует слова Ивана. Тогда как в высказывании «Иван сказал, что я устал» местоимение «я» указывает уже на говорящего. Как говорит Брэндом, местоимение в первом случае связано с контекстом (цитируемого) предложения, а во втором случае — с контекстом высказывания [6. P. 535]. С этим свойством косвенной речи связана и следующая особенность. В высказывании «Иван сказал, что он устал» имеется определенная двусмысленность: Иван говорит о себе или о ком-то еще. Многие восприняли это если не как аргумент против, то, по крайней мере, как затруднение для паратактического анализа. Однако данное обстоятельство, по всей видимости, скорее, подтверждает тезис о неустранимости семантических аномалий, поскольку наличие такой двусмысленности в косвенной речи и необходимость интерпретировать ее, исходя из ситуации ее произнесения, говорят в пользу того, что мы в этом случае имеем дело с двумя семантически независимыми, но паратактически объединенными высказываниями.

а его главной целью: выявить, *что* именно говорится с помощью тех или иных предложений. Ведь паратактический анализ можно распространить вообще на все виды высказываний уже в силу того, что у них есть своя иллокутивная сила и, соответственно, модификаторы (а точнее, идентификаторы) этой силы. Паратактический анализ позволяет по-новому взглянуть на то, как механизм косвенной речи (а также цитаты, перформатива и других типов высказывания) создает не только впечатление единства мыслящего и мыслимого им содержания, но и указывает на некий более общий фон и контекст осуществления различных речевых актов. Иными словами, речь идет об одной из главных целей, достижению которой служат грамматические наклонения, а именно: различные способы объединения высказываний, а также способы перехода от одного высказывания к другому предназначены для того, чтобы обеспечить единство не только речи, но и мышления. Паратаксис разбивает это единство на отдельные предложения, проясняя характер отношений между ними и указывая на условия их истинности. Тем самым, он позволяет анализировать прежде казавшиеся непрозрачными интенсиональные контексты пропозициональных установок. Одновременно паратактический анализ проясняет экстерналистскую точку зрения на ментальные состояния и содержания пропозициональных установок (прежде всего убеждений), предлагая синтаксический и семантический анализ предложений, выражающих эти состояния. Не случайно, что Дэвидсон сам неоднократно проводил параллели между семантическими аномалиями и аномальным монизмом в его философии сознания. В конечном счете, если Селларс прав, и наше мышление — это интернализованная внешняя речь, то пропозициональные установки, равно как и те ментальные состояния, которые допускают малейшую степень *осознанности*, можно считать результатом интернализованной косвенной речи, которой мы должны овладеть (как одним из первых вербальных навыков) для того, чтобы вообще начать осознанно мыслить.[18] Причем, если мы обучаемся не только тому, как справляться с постоянно возникающими семантическими аномалиями, но и тому, как содействовать их возникновению, то часто именно таким — паратактическим образом.

Литература

1. *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003.
2. *Куайн У. В. О.* Кванторы и пропозициональные установки // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3. С. 213–225.
3. *Фреге Г.* Избранные работы. Москва: Дом интеллектуальной книги, 1997.
4. *Чизолм Р.*, *Селларс У.* Интенциональность и ментальное. Переписка Р. Чизома и У. Селларса об интенциональности // Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: Альфа-М, 2013. С. 449–477.
5. *Blackburn S.* The Identity of Propositions // Meaning, Reference and Necessity / ed. by *Blackburn S.* Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 182–205.

18 Ср. с замечанием Куайна о той роли, которую играет установка «воспринимать, что…» при обучении языку [15. P. 89–90].

6. *Brandom R.* Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Harvard: Harvard University Press, 1994.
7. *Davidson D.* Agency // *Davidson D.* Essays on Actions and Events. Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 43–61.
8. *Davidson D.* A Nice Derangement of Epitaphs // *Davidson D.* Truth, History, and Language. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 89–107.
9. *Davidson D.* Reply to Johannes Brandl // Reflecting Davidson. Donald Davidson Responding to an International Forum of Philosophers (Sociolinguistics and Language Contact) / ed. by *Stoeker R.* New York: de Gruyter, 1993. P. 194–196.
10. *Davidson D.* Reply to Reinaldo Elugardo // Donald Davidson: Truth, Meaning and Knowlede / ed. by *Zeglen U. M.* London: Routledge, 1999. P. 114–115.
11. *Kemp G.* Samesying, Propositions and Radical Interpretation // Ratio (new series). 2001. Vol. XIV. No. 2. P. 131–152.
12. *Ludwig K.*, *Ray G.* Semantics for Opaque Contexts // Philosophical Perspectives. 1998. Vol. 12 (Language, Mind, and Ontology). P. 141–166.
13. *McDowell J.* Quotation and Saying That // *McDowell J.* Meaning, Knowledge, and Reality. Harvard: Harvard University Press, 1998. P. 51–86.
14. *Preyer G.* Donald Davidson's Philosophy. From Radical Interpretation to Radical Contextualism. Frankfurt am Main: Humanities Online, 2006.
15. *Quine W. V.* From Stimulus to Science. Harvard: Harvard University Press, 1995.
16. *Quine W. V.* Word and Object. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960.
17. *Sellars W.* Empiricism and the Philosophy of Mind // *Sellars W.* Science, Perception, and Reality. New York: The Humanities Press, 1963. P. 127–196.

АВТОРЫ

Бейкер Линн Раддер, доктор философских наук, почетный профессор Массачусетсткого университета в Амхерсте, США; e-mail: lrbaker@philos.umass.edu

Захави Дэн, доктор философских наук, профессор Департамента медиа, познания и коммуникаций, директор Центра исследований субъективности Копенгагенского университета, Дания; e-mail: dza@hum.ku.dk

Козырева Анастасия Сергеевна, магистр философии, докторантка Гейдельбергского Университета, Германия; e-mail: kozyreva.a@gmail.com

Левин Сергей Михайлович, преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; e-mail: slevin@hse.ru

Разеев Данил Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: razeev@philosophy.pu.ru

Рогонян Гаррис Сергеевич, кандидат философских наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; e-mail: rogonyan@gmail.com

Секацкая Мария Александровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Станжевский Федор Алексеевич, преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета); e-mail: stanzh@mail.ru

Фукс Томас, доктор философских наук, профессор философии и психиатрии в Гейдельбергском университете, руководитель Центра феноменологической психопатологии и психотерапии при Клинике общей психиатрии, Германия; e-mail: thomas.fuchs@med.uni-heidelberg.de

Хахалова Анна Алексеевна, старший преподаватель Восточно-Европейского института психоанализа, Санкт-Петербург; e-mail: ann86j@gmail.com

Чирва Дарья Викторовна, ассистент кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: d.chirva@spbu.ru